

ГЕОКУЛЬТУРНЫЕ ПРОСТРАНСТВА И КОДЫ КУЛЬТУР АЗИИ И АФРИКИ

УДК 299.21:811.34:11.115

В.В. Емельянов

ИДЕЯ ВЕЧНОГО ВОЗВРАЩЕНИЯ В ШУМЕРСКОЙ КУЛЬТУРЕ¹

Идея вечного возвращения играла значительную роль в культуре шумеров. Но, к сожалению, она до сих пор не стала предметом специального рассмотрения. Настоящая работа носит ознакомительный характер и призвана ввести читателя в материал, который во всей своей полноте будет рассмотрен позднее.

«Возвращение» передается в шумерском языке следующими глаголами: gi_4 , gur , bal , ni_6in . Все они в различных контекстах могут иметь следующие значения: «вращать», «возвращать», «брать назад, отнимать», «оборачиваться», «переворачиваться», «удалять, устранять» [10. S. 1332–1336; 9. P. 48]¹. Однако интересующий нас процесс вечного возвращения выражается только глаголом gi_4 .

В шумерском языке есть два словосочетания, передающих идею возвращения: $ki-bi-še_3 gi_4$ ‘на место свое вернуть’, $ama(-ra)-gi_4$ ‘вернуть к матери’. Тексты показывают, что оба эти термина связаны с идеей календарного возвращения времени. Но время воспринимается не как таковое, а в связи с совершаемым действием.

Enki and the World Order, 451–453³

⁴⁵¹ i_3 -ne-eš₃ šag₄ gu₂-bi nam-gi₄ kalam ki-bi he₂-em-gi₄

⁴⁵²šag₄ /^dEn-lil₂-la₂ gu₂-bi nam-gi₄ kalam ki-bi he₂-em-gi₄

⁴⁵³šag₄ gu₂-bi gi₄-a nam-lu₃-u₁₈-lu-ka

Ныне сердце к берегу своему вернулось — Страна на место свое вернулась,
Сердце Энлиля к берегу своему вернулось — Страна на место свое вернулась,
Возвращение сердца к своему берегу — судьба человечества!

Этим строкам вторят первые строки Цилиндра А Гудеа:

¹*Al. Iud* /an ki\ -a nam tar-[re]-/da\

²*Al. 2/Lagaš* \[^{ki}\ -e me-gal-la [saḡ] an-še₃ mi-ni-ib₂-il₂

³*Al. 3^dEn-lil₂-e en-^dNin-ḡir₂-su₂-še₃ igi-zid mu-ši-bar*

⁴*Al. 4iri-me-a ni₃-du₇ pa nam-ed₂*

⁵Al.5šag₄ gu₂-bi nam-gi₄

⁶Al.6šag₄-^dEn-lil₂-la₂ gu₂-bi nam-gi₄

⁷Al.7šag₄ gu₂-bi nam-gi₄

⁸Al.8a-ḡi₆ uru₁₆ nam-mul ni₂ il₂-il₂

⁹Al.9šag₄-^dEn-lil₂-la₂-ke₄^{id} Idigna-am₃ a-dug₃-ga nam-de₆

Когда судьбы Неба-Земли были определены,
Лагаш в великих МЕ голову к Небу поднял,
Энлил на владыку Нингирсу взглянул благосклонно,
(И) в городе нашем необходимое явным стало:
Сердце к берегу своему вернулось,
Сердце Энлиля к берегу своему поднялось,
Сердце к берегу своему поднялось,
Могучие волны сверкнули, страх нагоняя,
Сердце Энлиля — Тигр — благодатную воду принесло.

Итак, возвращение Шумера «на свое место», а именно — начало года, связано здесь с разливом реки Тигр (она разливается раньше Евфрата). Страна возвращается на место, когда к своему берегу возвращается «сердце Энлиля» и начинается половодье, несущее благодатную воду, дарующую изобилие. Заметим, что в Цилиндре А начало половодья непосредственно связано с определением судеб всего мироздания. То есть Страна возвращается на место сразу после того, как происходит определение судеб Неба и Земли и Земле посылается весенний разлив рек.

Если Страна возвращается на место, то новый месяц «входит в свой дом», т.е. возвращается из странствия по небу.

⁸⁶³B3.5mu ḡen-na-am₃ iti til-la-am₂

⁸⁶⁴B3.6mu-gibil an-na im-ma-gub

⁸⁶⁵B3.7iti e₂-ba ba-a-kur₉

⁸⁶⁶B3.8iti-bi ud 3-am₃ im-ta-zal

⁸⁶⁷B3.9^dNin-ḡir₂-su Eredu^{ki}-ta ḡen-am₃

⁸⁶⁸B3.10i₃-ti sa-sa im-ed₂

⁸⁶⁹B3.11kalam-ma ud mu-ḡal₂ E₂-ninnu^dSuen u₃-tu-da

⁸⁷⁰B3.12saḡ im-ma-da-ab-sa₂

Год прошел, месяц закончился,
Новый год на Небе встал,
Месяц в дом свой вошел,
Третий день его прошел.
Нингирсу из Эреду пришел —
Месяц свет испустил,
В Стране свет воссиял, Энинну с новорожденным Зуэном
Сравнился.

Этот трудный фрагмент нуждается в пояснении. Здесь сказано, что в конце года месяц не был виден на протяжении трех дней. Новолуние совпало с возвращением Нингирсу из путешествия к своему отцу. После этого лунный свет (свет новорожденного бога луны Зуэна) осветил храм Нингирсу Энинну. От света луны и свечения храма засияла и вся страна. Мы видим два синхронных события — возвращение лунного диска

в свой дом по прошествии месяца и возвращение бога Нингирсу в свой храм из длительного путешествия. Оба возвращения приурочены к концу года.

Таким образом, «возвращение на свое место» — прежде всего событие календарное, но не умно-философское, а переживаемое и эмпирически ощутимое. Каждый житель Шумера мог наблюдать весенний разлив рек и даже оказаться его жертвой, и точно так же каждый мог смотреть на вечернее небо, ожидая новой луны и Нового года.

Дальнейшие метаморфозы идеи возвращения относятся уже к области идеологии. В царских надписях и царских гимнах «возвращать на свое место» можно: а) город; б) храм или любое другое строение; в) посвятельную стелу или пограничную стелу⁴. Автор Цилиндров Гудеа говорит о храме Эннину, возведенном этим правителем для бога Нингирсу, именно как о «возвращенном на свое место» (А XXX 13). Почему же идея возвращения применяется у шумеров к строительным объектам? Ответ на этот вопрос дают плачи по городам, где богов, устроивших потоп, призывают вернуть на место разрушенные храмы и жилища людей. Автор обращается к богине, оплакивающей свой погибший город:

Ur Lament, 382–384

^{382d}En-lil₂ lugal-kur-kur-ra-ke₄ nam-zu he₂-eb-tar-re

³⁸³uru₂-zu ki-bi ha-ra-ab-gi₄-gi₄ nam-nin-bi ak-a

³⁸⁴Nibru^{ki} ki-bi ha-ra-ab-gi₄-gi₄ nam-nin-bi ak-a

Энлил, царь всех стран, судьбу твою пусть определит:

Город твой на место пусть для тебя вернет — владычество в нем верши,

Ниппур на место пусть для тебя вернет — владычество в нем верши!

Отсюда ясно, что город, храм или Страна восстанавливаются после своего временного уничтожения, которое может иметь климатический или социальный характер. Аналогичным образом герой мифа о потопе говорит:

Deluge 3 ⁴nin-tu-ra ni₃-dim₂-dim₂-ma-ġu₁₀ sig₁₀ -[sig₁₀]-/bi\-[a] ga-ba-ni-ib-gi₄-gi₄

Ради Нинту уничтожение моих тварей вернуть (=прекратить) я хочу!

Следовательно, «возвращение на свое место» означает прекращение неких деструктивных процессов, нарушающих мировой порядок, и восстановление этого порядка в пространственном и временном аспектах⁵. Порядок утверждается высоким зданием или стелой, или совокупностью зданий (город), или появлением на небе новой луны, или приходом благодатной воды после разрушительного потопа⁶.

Обратимся теперь к рассмотрению идеи ama-gi₄ «возвращение (к) матери». В известных нам шумерских текстах она связана с освобождением человека из состояния не-свободы. Первоначальную суть этой идеи хорошо демонстрируют слова Гильгамеша, обращенные к Энкиду в эпической песни «Гильгамеш и Хувава». Победив Хуваву, Гильгамеш хочет отпустить пленника на свободу и говорит: mušen-dab₅-ba ki-bi-še₃ ha-ba-ġin / ġuruš-dab₅-ba ur₂-ama-na-še₃ he₂-gi₄-gi₄ 'Пусть пойманная птица на место свое вернется, пусть пойманный молодец к лону матери своей вернется!' (Gilgamesh and Huwawa A, 161–162). Сравнение освобождения пленника с отпуском птицы на свободу име-

ет отнюдь не случайный характер. Вспоминается весенний обряд выпуска на волю пленных птиц. В.К. Шилейко замечает, что этот обряд, проводимый у христиан во время весеннего праздника Благовещения, впервые зафиксирован в вавилонском заклинании, которое мы приводим в его переводе:

Ты, небесная птица, порождение Ану!
Я — человек, порождение Эа,
западня птицелова есть у меня,
Я пленил твою душу, я явил тебе свет:
ты, о Шамаш, храни меня:
как этой птице жизнь подарил я,
мне мою жизнь ты подари.

В.К. Шилейко пишет: «Символику обряда, сопровождающегося вавилонским заклинанием, нетрудно разгадать. Жизнь и свобода возвращаются воздушной пленнице как выкуп за жизнь освободителя. Этот благодный выкуп противоположен жестокому обряду жертвы, при котором жизнь покупается ценой уничтожения и смерти» [16. С. 80–81].

Стало быть, можно предположить, что идея «возвращения к матери» как освобождения ассоциировалась с неким весенним обрядом выпуска на волю птиц в качестве выкупа за жизнь освободителя⁷. Такой же могла быть и логика Гильгамеша, желавшего отпустить Хуаву «к лону своей матери», дабы не прогневать своим поведением великих богов. Однако заметим, что освобождение здесь — не просто возврат на прежнее место, а именно возврат к исходному состоянию, изначально определенному богами⁸.

Разумеется, творцы политической идеологии не преминули по-своему истолковать «возвращение к матери», связав эту идею с идеями амнистии и социальной справедливости. Так, в надписях Энметены и Урукагины, равно как и в шумерских юридических текстах, неоднократно встречаются утверждения о «возвращении к матери» как освобождении должников рабов, освобождении граждан от наказаний, повинностей или от уплаты налогов⁹. Уже в послешумерское время государи I династии Исина периодически объявляли *ama-gi₄* (аккад. *andurārum*) или *mīšarum* ‘справедливость’ как полное очищение времени от долговых обязательств, сделок о кабальном рабстве, как прощение недоимок по налогам и сборам, а иногда и отмену сделок купли-продажи полей и возвращение их первоначальным владельцам [14. С. 326]. Корни такого политического обновления времен, несомненно, лежат в шумерской традиции, из которой до нас дошел только один зафиксированный на письме пример очищения времени от событий — текст так называемых «реформ» Урукагины. В предпоследней части текста, завершая перечисление своих законодательных деяний, этот правитель пишет: *dumu-Lagaš^{ki} ur₅-ra ti-la gur-gub-ba še-si-ga ni₃-zuh-a saḡ-ḡiš-ra-a e₂-eš₂-bi e-luh ama-gi₄-bi e-ḡar* ‘Сыновей Лагаша от процентов (по долгу) жизни, “меры положенной”, “насыпание зерна”¹⁰, воровства, убийства, заключения он очистил, их возвращение к матери установил’ (Ukg. 4 XII 14–22 = 5 XI 12–29). Это означает, что были одновременно проведены амнистия преступников и освобождение граждан от непосильных долгов и повинностей.

Единственный раз в известных мне текстах религиозного характера идеи «возвращения на свое место» и «возвращения к матери» встретились в гимне Шульги:

ki mi-ni-ib₂-dib-be₂-na-mu-u₃ ama-gi₄ he₂-mi-du₁₁
un-lu-a ki-tuš-ki-ġar-ra-bi-e šu-a he₂-im-mi-gi₄

Где я ни прохожу — (всюду) возвращение к матери провозглашаю,
Многочисленных людей на прочные места их проживания я возвращаю!

В аккадской литературе существовала калька с шумерского оборота ki-bi-še₃ gi₄: *ana aš-ri-šu târu*¹¹¹ ‘на свое место вернуть’ [10. S. 83]. В большинстве случаев это аккадское выражение означало «восстанавливать (культовый объект)», реже «возвращать больному здоровье» (выражение из заговоров) [2. P. 401]. Чрезвычайно показательно в этом случае сравнение одного и того же мифологического мотива в шумерской и аккадской версиях эпоса о Гильгамеше.

В Прологе (I 39–41) аккадского эпоса [8] одно за другим упоминаются два события — путешествие Гильгамеша к Утнапиштиму и восстановление Гильгамешем святилищ, разрушенных потопом.

[ha]-a-a-iṭ kib-ra-a-ti muš-te-'u-u₂ ba-la₂-ṭi
ka-ši-id dan-nu-us-su a-na^m Ut-ZI ru-u-qi₂
[mu]-tir ma-ha-zi ana aš₂-ri-šu-nu ša₂ u₂-hal-li-qu a-bu-bu

Исходивший все страны света в поисках жизни,
Достигший своей мощью дальнего Утнапишти,
Вернувший на свои места святилища, погубленные потопом.

В тексте «Смерть Гильгамеша» сказано, что после похода на Хуаву Гильгамеш посетил жилище Зиусудры (шумерское имя праведника, известное по тексту мифа о потопе), после чего восстановил все МЕ, культовые сооружения и обряды, некогда уничтоженные потопом. Таким образом, становится известен прототип строк Пролога.

har-ra-an di-id-bi-a a-na-am₃ me-a-bi /^{si}erin ġiš dili kur-bi ga-an-/e-de₃\ / ⁴Hu-wa-wa tir-bi-ta saġ ġiš
ra-ra-za / na-ru₂ -a ud ul-la₂ -še₃ me-gub-bu-uš me-da ud-še₃ / e₂ dingir-re-e-ne ki ġar-ġar-ra-a-ba / Zi-
ud-su₃-ta¹-aš ki-tuš-bi-a saġ im-ma-ni-/tig₄\ /me ki-en-gi-ra-ke₄ ki ud-ba ha-la-me-eš ud ul-li-še₃ / a₂
aġ₂-ġa₂ bi-lu-da₁₀ kalam-ma-aš im-ta-/a²-ni\ / šu /luh\ ka /luh\ X (X) /si mu-un-si-sa₂\-e

“После того как все пути ты изведаль, кедр, ценное дерево, с гор его вывел, Хуаву в лесу его убил, установив на вечные времена, на постоянные МЕ стелу, на (вечные) дни — храмы богов, Зиусудры в его жилище ты достиг, МЕ Шумера, которые были забыты навсегда, советы, обряды в Страну вернул (?), обряды омовения рук, омовения уст в порядок привел...” (GD, Tell-Hadad F, 10–18).

Мы видим, что в шумерском тексте Гильгамеш возвращает в Страну старый порядок, существовавший до потопы. Этот порядок состоит из установленных стел, восстановленных храмов и возобновленных обрядов, сопровождающих жертвоприношения. В Прологе ассирийской версии речь идет только о реставрации старых храмов, погубленных потопом. Налицо редукция шумерской идеи возвращения порядка к починке старого материального объекта (пусть и имеющего сакральное значение).

Категория «возвращение к матери» аккадской калки не получила. Но самое интересное заключается в том, что понятие «возвращение» часто имело в аккадской словесности семантику деструктивного превращения (что соответствует шумер. *bal, gur*). Некое целое могло быть уничтожено через редукцию к своим частям или к первоначальной основе. В частности, устойчивым было выражение «вернуть в глину». Например, в аккадском эпосе о Гильгамеше спасенный праведник видит после потопа следующую картину:

XI 133 *ap-pal-sa-am-ma UD-ma ša₂-kin qu-lu*
 134 *u₃ kul-lat te-ne₂-še-e-ti i-tu-ra a-na ti-iṭ-ṭi*

И взглянул на день – тишина установилась,
 И все человечество возвратилось в глину.

В эпосе об Эрре семеро демонов требуют, чтобы Эрра проклял и тем самым уничтожил всех зверей Вавилонии [6]:

I 74 *[bu]-lum li-ru-ur-ma li-tur a-na ti-iṭ-[ṭi]*

Зверя пусть он проклянет, да возвратит (его) в глину.

В эпосе о Нинурте и Анзу Таблица судеб, захваченная злодеем Анзу, способна уничтожить лук Нинурты путем возвращения-превращения частей лука в их первоначальный материал [1].

II 63 *qa-nu-um-ma љa₂ [tal]-li-ku tu-ri a-pu-uk-ka*
 64 *mu-um-m[u GIŠ.BAN] <a>-na qi₂-ša₂-ti-ki*
 65 *šer₂-a-nu a-na ša₂-šal-li UDU.NITA₂ kap-pu ana iṣ-ṣu-ri GUR.MEŠ*

Ты, стрела летящая, стань снова тростинкой!
 Ты, рама лука, стань ветвью древа!
 Ты, тетива, — сухожильем барана! Перья, вернитесь к птицам!

Точно так же будет обращено в глину любое существо, которое захочет сразиться со злодеем Анзу, захватившим Таблицы судеб. Герои, которых Собрание богов умоляет одолеть злодеев, отказываются от подвига и мотивируют это так:

I 127 *[a-bi a-na ša₂-ad la 'a-ri li-hiš man-nu]*
 128 *[a-a-u₂ ka-a]m an-zi-i i-na DINGIR.MEŠ DUMU.MEŠ-ka*
 129 *[DUB.NAM.ME]Š <ik-šu>-d[a qa-tuš-šu]*
 130 *[^dEN.LIL₂-u₂-t]i il-te-<qe₂> [na-du-u₂ par-ṣi]*
 131 *[an-zu-u ip-p]a-riš-ma KUR-[us-su ig]-guš*
 132 *[it-tab-ši ṣi-it p]i-i-šu₂ ki-i DINGIR DINGIR DUR.AN.KI*
 133 *[iq-bi-ma ša₂ ir-ra-ru im-me ti-iṭ-ṭi -iš*
 134 *[a-na ṣi-it pi]-<i-šu> DINGIR.MEŠ i-šah-hu-hu*

Отец! Кто пойдет в недоступные горы?
 Кто справится с Анзу из твоих сынов, богов великих?

Таблицу судеб рука его настигла,
 Эллильство схватила, ниспровергла обряды,
 Взлетел Анзу, на гору свою поднялся,
 Выходящее из его уст подобно богу Дуранки,
 Кого Анзу проклянет — тот обратится в глину,
 Выходящего из его уст все боги должны опасаться!

В вавилонском эпосе об Атрахасисе богиня, проклиная день, когда было принято решение о потопе, восклицает (Atr. III 34–35): «Да померкнет день тот, во мрак да вернется!» [15. С. 82] (пер. В.К. Афанасьевой). Возвращение дня во мрак означает его небытие, но никак не благоприятное «возвращение к матери» (т.е. к истокам). Аналогичная ситуация возникает в XI таблице эпоса о Гильгамеше, когда та же самая богиня восклицает: UD-tu ul-lu-u₂ a-na ði-ið-ði lu-u₂ i-tur-ma 'Пусть тот день возвратится в глину!' (XI 119).

Весьма своеобразно понимается в аккадской литературе и «возвращение к матери». В Таблице IV эпоса об Эрре правитель города, уstraшенный безысходностью существования и близостью гибели, обращается к своей матери со следующими словами:

IV 89 <i>-[n]a u₄-mi tu-li-din-ni lu-u₂ ap-pa-rik ina ŠA₃-bi-[ki]
 90 [n]a-[p]iš-ta-ni lu-u₂ iq-<tu>-ma lu-u₂ ni-mut <it>-[ti?]
 91 [a?]-ha-m[iš₂?]

В день, когда ты меня родила, мне бы в утробе остаться,
 Испустить бы нам дух, умереть бы нам вместе!
 (Перевод В.А. Якобсона)

Совершенно очевидно, что возвращение в утробу матери понимается здесь как прекращение жизни, испускание духа.

Таким образом, мы видим существенное расхождение шумерских и аккадских текстов в семантике возвращения. В шумерских текстах «возвращать», помимо буквально-го смысла, означает также «возрождать, восстанавливать» либо «прекращать (в смысле “положить конец какому-либо бедствию”)». То есть восприятие возвращения исключительно позитивно. В аккадской литературе и культуре идея возвращения имела совсем иной смысл. Возвращение понималось либо нейтрально — как реставрация материи, существовавшей в прошлом, либо в негативном ключе — как умерщвление целого путем его превращения в первоначальный материал. Но шумерский пафос вечного обновления миропорядка и возрождения справедливости здесь совершенно отсутствует, поскольку у вавилонян было представление о линейном ходе времени, а значит — и о невозвратности прошедшего.

* * *

Идея вечного возвращения была обстоятельно рассмотрена М. Элиаде в монографии «Миф о вечном возвращении» (1949). Исследователь цитирует многочисленные свидетельства существования у разных народов мира представлений о вечном возвращении времени и делает следующие выводы:

«Приведенные нами примеры можно было бы умножить, но мы не собираемся давать исчерпывающий анализ всех затронутых в нашем очерке тем, а всего лишь раз-

мечаем их согласно общей его направленности: выявлению необходимости периодического обновления путем отмены времени, существовавшего в архаическом обществе. Как коллективные, так и индивидуальные, как циклические, так и спорадические, все обряды возрождения всегда содержат в своей структуре и своем значении элемент возрождения посредством воспроизведения архетипического деяния, преимущественно космогонического действия. Мы же должны подчеркнуть, что эти архаические системы, отменяя конкретное время, пытаются таким образом избавиться от истории. Отказ хранить память о прошлом, даже о самом недавнем, кажется нам признаком особого устройства человеческого менталитета. Это, если говорить кратко, отказ архаического человека воспринимать свое бытие как историческое, отказ наделять значимостью “память” и, как следствие, нерегулярные события (т.е. события, не имеющие архетипической модели), которые, в сущности, и составляют конкретное течение времени. В конечном счете мы полагаем, что глубинный смысл всех этих обрядов и установок состоит в *стремлении обесценить время*. Доведя эти обычаи и варианты установочного поведения, о которых мы упомянули выше, до их логических пределов, можно прийти к следующему заключению: если времени не придают никакого значения, стало быть, оно не существует; более того, как только время начинают ощущать (из-за “прегрешений” человека, т.е. тех случаев, когда человек удаляется от архетипа и попадает в течение времени), его беспрепятственно аннулируют. В сущности, если представить себе подлинную перспективу жизни архаического человека (жизнь, сведенную к повторению архетипических деяний, т.е. к *категориям*, а не к *событиям*, к беспрестанному воспроизведению одних и тех же первомиффов и т.д.), то, хотя она и протекает во времени, человек, тем не менее, не ощущает его бремени, не замечает необратимости событий, иными словами, совершенно не отдает себе отчета в том, что характеризует и определяет осознание времени. Подобно мистика или же человеку глубоко религиозному, первобытный человек всегда живет в настоящем. (Именно в этом смысле можно сказать, что религиозный человек является человеком “примитивным”; он *повторяет* деяния *некоего другого*, и благодаря этому повторению постоянно живет во вневременном настоящем.) <...>

Следует подчеркнуть, что доминирующим аспектом всех лунарных космофологических теорий является циклическое возвращение того, что было раньше, иначе говоря, “вечное возвращение”. Также в них прослеживается мотив *повторения* архетипического деяния, проецируемого на все уровни: космический, биологический, исторический, социальный и т.д. И в этом мы также усматриваем циклическую структуру времени, возрождающегося при каждом новом “рождении”, на каком бы уровне оно ни происходило. Подобное “вечное возвращение” свидетельствует об онтологии, не затронутой проблемами времени и становления. Подобно тому, как греки мифом о вечном возвращении пытались удовлетворить свою метафизическую жажду “оптического” и “статичного” (ибо с точки зрения бесконечности становление вещей, постоянно возвращающихся в прежнее состояние, имплицитно аннулируется, и, таким образом, можно утверждать, что “мир остается на месте”), также и “примитивный” человек, наделяя время циклическостью, аннулирует его необратимость. Прошлое — это всего лишь предопределение будущего. Ни одно событие не является необратимым, и никакое изменение не является окончательным. В определенном смысле можно даже сказать, что в мире не происходит ничего нового, ибо все, что есть, — это всего лишь повторение прежних первичных архетипов; данное повторение, актуализируя мифическое время, в которое было совершено архетипическое деяние, постоянно поддерживает мир в одном

и том же всеобщем изначальном времени. Время всего лишь делает возможным появление и существование вещей. Но никакого решающего влияния оно на их бытие не оказывает, ибо оно само постоянно возрождается» [17. С. 131–132, 138–139].

Вряд ли можно усомниться в справедливости сказанного М. Элиаде относительно самого представления о возвращении времени в архаических культурах мира. Однако вызывает возражение стремление приписать древнему человеку исконную любовь к неким «первичным архетипам» и «архетипическим деяниям». Такая тенденция обнаружит себя достаточно поздно, в конце II тыс. до н.э. (тогда будут созданы первые комментарии к древним ритуалам). И объясняется это тем, что для стремления к традиции нужна длительная рефлексия этой традиции, позиционирующая ее как совокупность не просто норм жизни, но вечных ценностей бытия. Ценности становятся вечными после того, как проходят осмысление в письменной культуре. Но письменная культура становится способна к интерпретации и сакрализации ранней древности только к концу II тыс. до н.э. Следовательно, не стоит думать об идее возвращения времени как об исторически неизменном желании древних людей вернуться к первичным образцам поведения и сознания.

Что же можно теперь сказать по поводу идеи возвращения времени в шумерской культуре? Вопреки Элиаде, шумеры желали этого возвращения не ради отказа от исторического сознания, не ради целительного приобщения к религиозным архетипам, а по причине невозможности существования коллективного земледельческого хозяйства без весенних разливов Тигра и Евфрата. С весной были связаны надежды людей на новую жизнь, поэтому и политическая история приобрела в сознании шумеров черты календаря. Весенний разлив возвращается к своему берегу после длительного отсутствия благодатной воды, первый месяц года возвращается в свой дом после небесных странствий, плененный человек возвращается к матери после пребывания в зависимости или в плену, разрушенный город восстанавливается после потопа. Между этими событиями установилась прочная ассоциация, они попали в единое семантическое поле под названием «возвращение/возрождение». Но никакой альтернативы такому мировосприятию шумерская культура не знала. Поэтому мы имеем дело не с традиционализмом, а с естественным включением человеческой деятельности и человеческого сознания в ритмы окружающей природы.

Примечания

¹ В статье представлены результаты исследования, проведенного в рамках проекта «Геокультурные пространства и коды культур Азии и Африки» аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы (2009–2010 годы)».

² Семантика глаголов возвращения в шумерском языке еще не изучена. На сегодня можно сказать, что *gi*₄ часто может означать ‘поворачивать назад’, ‘отходить, отступать’, ‘передать назад’ (т.е. он связан по преимуществу с попятным движением) [10. S. 1332; 5. S. 138–140]. Глагол *bal* устойчиво связан со значением перевоза, передачи, транспортировки, а также делегирования полномочий. В качестве второго значения, как видно из текстов, выступает вражда как ‘обращивание кого-то против кого-то’, на третьем месте — разрушение как деструктивное изменение материи [9. P. 48]. Глагол *niĝin* связан преимущественно с кругом и круговым движением [10. S. 1005, 1205, 1332]. Исходное значение *gur* мне неизвестно, но чаще всего этот глагол встречается в значении ‘вернуться откуда-либо’ [10. S. 1007, 1011, 1332, 1335; 4. Shulgi A, 61].

³ Здесь и далее все шумерские тексты, кроме царских надписей, цитируются по [4]. Царские надписи старошумерского периода цитируются по [5]. Указываются кодовые сокращения, номера колонок и строк. Аккадские тексты цитируются по печатным изданиям с соблюдением тех же условий.

⁴ [^dNin-ġ]ir₂-su-ra Gir₂-su^{ki} [ki]-be₂ mu-na-gi 'Богу Нингирсу (город) Гирсу он на место его вернул' (Ean. 2, 3:4–6; Ean. 3, 3:3–5); u₄...^dNin-dar lugal-uru₁₆-ra e₂-ni ki-be₂ mu-ni-ġi₄-a 'Когда он... Ниндару, могучему царю, храм его на место его вернул' (En. I 20, 1:9–2:3); na-ru₂-a-Me-salim-ma ki-be₂ bi₂-ġi₄ 'Стелу Месилима он на место ее вернул' (Ent. 28, 2:6–8 = 29, 2:23–25).

⁵ В этой связи характерно выражение из Цилиндра В Гудеа: ni₃-erim₂ e₂-ba im-ma-an-/ġi₄\ 'Вражду в ее дом он вернул' (В XVIII 3) (т.е. Гудеа прекратил все распри в городе на время праздника освящения храма).

⁶ В царских гимнах и плачах эпохи Исина и Ларсы вместо ġi₄ возможен глагол ġar 'устанавливать' (здесь — в значении 'восстанавливать'): ni₃ babbar-bi sag₂ ba-ab-dug₂-ga-ba sug-ge, ba-ab-gu₇-a ^den-lil₂ lugal kur-kur-ra-ke₄ ki-bi-še₃ in-ġar-ra-am₃ 'Его (Ниппура. — В.Е.) сияющее имущество, рассеянное, уничтоженное, Энлиль, царь стран, на месте его поставил' (Nippur Lament, 268–269). См. также Siniddinam, E: ⁷³ġiš-hur me mah-bi ⁷⁴ki-bi mi-ni-in-kiġ₂-kiġ₂ 'Он восстановил (букв.: 'на место свое вработал') предначертания и высокие МЕ (трона Ишкура)' (73–74).

⁷ Ср. *arni MUŠEN ana šamē lišēli* 'пусть птица унесет мой грех на небо' [7 XV, 140:22] (Lipšur). Напротив, в шумерском календаре из Ура четвертый месяц был назван в честь праздника ezen-u₅-bi₂ ^{мульен}-ku₂ 'праздник поедания птицы уби' [11 III, 342; 12 IV, 228; 3. P. 147–148]. Эта же птица упоминается в школьном тексте о собирании всех птиц богиней Нанше (к сожалению, контекст разбит [3. P. 148]). Интересно, что И.М. Дьяконов переводит название месяца «Праздник поедания птицы искупления» [13. С. 293], т.е. он полагает, что эту птицу (или этих птиц) убивали во искупление провинностей общинников перед богами. Вполне возможно, что в раннее время птиц приносили в жертву силам плодородия, и только одной из них даровалось помилование. Позднее же жертвоприношение было заменено ритуалом искупительного выпускания всех птиц. Впрочем, это только гипотеза.

⁸ Следует заметить, что представление о возвращении всего сущего к первоистоку в равной мере распространялось и на явления природы, ср. шумерское наименование ночи u₄-ama-bi-še₃-ġi₄-a 'возвращение дня к своей матери' (аккад. *liliātum*; [10. S. 552]).

⁹ Контексты собраны в [9, А 3, ama-ar-ġi₄]. Самым ранним является контекст из надписи Энметены: ^dNanše E₂-engur-ra-zu₂-lum-ma mu-na-du₃ mu-ni-tum₂ ama-ġi₄-Lagaš^{ki} [e]-ġar ama dumu i₃-ni-ġi₄ dumu ama i₃-ni-ġi₄ ama-ġi₄-še-ur₅-ka e-ġar u₄-ba En-me:te-na-ke₄ ^dLugal-e₂-muš₃-ra E₂-muš₃-pa₅-ti-bir₅-ra^{ki}-ka...mu-na-du₃ ki-be₂ mu-na-ġi₄ dumu-Unug^{ki} dumu-Larsa^{ki} dumu-Pa₅-ti-bir₅-ra-ka [ama]-ġi₄-bi e-ġar ^dInnīn-ra Unug^{ki}-še₃ šu-na i₃-ni-ġi₄ ^dUtu-[ra] Larsa^{ki}-še₃ šu-na i₃-ni-ġi₄ ^dLugal-e₂-muš₃-r[a] E₂-muš₃-še₃ šu-na i₃-ni-ġi₄ 'Для Нанше Ээнгурразулумма он построил, ей преподнес, возвращение к матери (для) Лагаша он установил: мать к сыну своему вернулась, сын к матери своей вернулся. Возвращение к матери для выплаты долгов по зерну в рост он установил. Когда Энметена для Лугальэмуша Эмуш в Бад-Тибире... построил, на место его вернул, — для сыновей Урука, Ларсы и Бад-Тибире возвращение к матери он установил: к Инанне в Урук вернул, к Уту в Ларсу вернул, к Лугальэмушу в Эмуш вернул' (Ent. 79, 3:6–6:6). Здесь не просто отождествляются, а ставятся в каузальную связь три разноплановых факта: восстановление старого храма, отмена долговых обязательств по выплате ячменя с процентами, освобождение и возвращение домой граждан других городов. Вполне возможно, что все эти события происходили в начале года.

¹⁰ Термины, означающие различные виды взяток, которые общинники давали чиновникам и жрецам.

¹¹ Основными значениями аккадского глагола *tāru(m)* являются 'поворачивать, поворачивать назад; вновь становиться (кем или чем-либо)'; затем идет 'превращать(ся)' [2. P. 401]. Для вавилонянина "возвращение" — это "вращение назад" или "превращение", но не повторение всего цикла в шумерском смысле. Тем не менее в ассирово-вавилонских текстах иногда встречаются упоминания о возвращении нового месяца "на свое место" или о возвращении процессии "на

свое место” из ритуального путешествия. Однако это только шумерские клише, переведенные на аккадский язык и не имевшие самостоятельного значения в поздние периоды месопотамской истории.

Литература

1. *Annus A.* The Standard Babylonian Epic of Anzu. Helsinki, 2001. 61 с.
2. *Black J., George A.R., Postgate N.A.* Concise Dictionary of Akkadian. Wiesbaden, 2000. 450 с.
3. *Cohen M.E.* The Cultic Calendars of the Ancient Near East. Bethesda, 1993. 504 с.
4. *Black J.A., Cunningham G., Flückiger-Hawker E., Robson E., Zolyómi G.* The Electronic Text Corpus of Sumerian Literature (Oxford, 1998–). URL: <http://www-etcsl.orient.ox.ac.uk/>
5. *Behrens H., Steible H.* Glossar zu den Altsumerischen Bau- und Weihinschriften. Wiesbaden, 1983. 424 с.
6. *Cagni L.* L'epopea di Erra. Roma, 1969. 325 с.
7. Journal of the Near Eastern Studies.
8. *Parpola S.* The Standard Babylonian Epic of Gilgamesh. Helsinki, 1997. 165 с.
9. Pennsylvania Sumerian Dictionary. Philadelphia, 1984–
10. *Soden W. von.* Akkadisches Handwörterbuch. Wiesbaden, 1956–1981.
11. Ur Excavation Texts.
12. Yale Oriental Series.
13. *Дьяконов И.М.* Люди города Ура. М., 1990. 428 с.
14. История Древнего Востока. М., 1983. Ч. I. Древняя Месопотамия. 534 с.
15. «Когда Ану сотворил Небо...» Литература древней Месопотамии. М., 2000. 455 с.
16. *Шилейко В.К.* Родная старина // Восток. Пг., 1922. Кн. 1. С. 80–81.
17. *Элиаде М.* Миф о вечном возвращении. М., 1998. 249 с.